

The background of the book cover is a dark, high-contrast photograph of a computer keyboard and a mouse. A black cable connects the mouse to the back of the keyboard. The image is heavily stylized with bold, expressive yellow brushstrokes that sweep across the lower half of the cover, particularly over the keyboard and mouse area. The overall mood is technological and somewhat mysterious.

Александр Вовк

**Метаморфозы
смутного времени**

16+

Александр Иванович Вовк

Метаморфозы смутного времени

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42646554
SelfPub; 2019*

Аннотация

Перед вами пронесутся три этапа жизни нашего современника. Поначалу он – офицер-ракетчик, гордый результатами своего ратного труда. Потом надолго становится безработным. Казалось, жизнь рухнула. Всё чаще посещали мрачные идеи. Но благодаря служебным связям матери наш герой стал компаньоном иностранной фирмы. И сразу всё изменилось. Забылись прежние муки и унижения. Существенно изменились жизнь, отношение к людям, событиям, самооценка. Со случайно встреченным войсковым товарищем, осудившим его приоритеты, наш герой разругался, но задумался. Даже попытался разобраться в своей жизни. К чему это привело, вы узнаете из повести.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	9
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Глава 1

Телефон, оставленный вчера на столе и используемый только для связи с компаньоном из Швеции, давным-давно вибрировал, повизгивал, кряхтел и подвывал совершенно ненормальной мелодией, установленной любимицей внучкой.

Просыпаться болезненно не хотелось. Не хотелось отпустить сон, явившийся из светлой армейской молодости, насыщенной значительными событиями и столь напряженной, что теперь в истинность былого самому едва верится.

В растаявшем некстати сне Андрей Алексеевич Смеркин ощутил свою прежнюю жизнь. Жизнь, наполненную великим смыслом, долгом и объективными трудностями, следующими не только непрерывной чередой, но и накладывающимися одна на другую, и заплетающимися немыслимыми узлами. Подобные накладки бесконечно усложняли повседневную действительность, изматывали, иной раз, до беспомытства, но и давали ощущение собственной значимости в большом и важном для страны деле; давали право себя уважать.

*

Телефон продолжал требовательно вибрировать, пытаясь, как бывало не раз, подобраться к краю стола, на что Андрей Алексеевич с удовлетворением подумал: «Сон сном, но ведь

рухнула наша огромная и могучая держава, взорванная изнутри предательством кремлевских перерожденцев. Предательством, которое было невозможно предугадать. В защиту державы от внешних врагов и я внес немалый вклад. И теперь в моей памяти отложились сладкими слоями те двадцать пять трудных лет... Очень трудных... Слава богу, хоть теперь моя жизнь наладилась, и я получил от неё всё, к чему стремился, чего вполне, как сам давно считаю, заслужил, чтобы больше не вспоминать ужасы хронической нехватки денег в советские годы, а также нищету и унижения последующих лет, уже после крушения страны».

Телефон всё не унимался.

«Опять корпус расколется! – с раздражением предположил Андрей Алексеевич, но не пошевелился. – Черт с ним! Куплю другой! Заодно появится повод, не обижая внучку, избавиться от мелодии с воплями необузданных африканских невольников!»

Андрей Алексеевич всё-таки пошарил рукой по затейливой прикроватной тумбочке и надавил кнопку стильного перламутрового будильника, на что приятный женский голос с китайским акцентом негромко известил:

– Восемь часов сорок семь минут! Двадцать один градус!

«Приспичило ему звонить в такую рань? – простонал Андрей Алексеевич с сожалением. – Можно подумать, стряслось что-то такое, что потерпеть нельзя?»

И опять расслабился, очутившись в той, знакомой до боли

атмосфере своей нелегкой и непростой службы. Всё вспомнилось как-то одновременно, в удивительно спрессованном и многослойном виде. И долгие дни, и минуты, месяцы и годы теперь сжались в крохотные мгновения, хотя даже самые забытые события вполне достоверно и натуралистично просматривались в толще времени.

Казалось, можно всего коснуться, вмешаться в любой разговор, изменить прошлые поступки, добиться еще лучших, нежели получилось когда-то, результатов. Это было удивительное, совершенно невероятное погружение в далекое и бесценное прошлое, позволившее не только заново и детально разглядеть былое, но и коснуться его душой. И снова прочувствовать всё-всё: присущие ему радости, трудности, заботы, переживания, надежды и огорчения. Всё то, что в постоянной сутолоке никчемных событий давно засыпано непробиваемой толщей прошедших десятилетий.

*

В то далекое время он уже считался достаточно опытным начальником стартового отделения, хотя и имел почти начальное офицерское звание – старший лейтенант. Сроки для отправки документов на присвоение «капитана» истекли ещё месяц назад, занимаемая должность позволяла, да и взысканий не имелось. Тем не менее, документы задержали. Это обижало и нервировало. Ведь определенный карьеризм изначально заложен в каждом офицере, поскольку его ум для окружающих, как говорят, весь на погонах! Потому и прихо-

дится, хочешь того или нет, стремиться к новой звездочке. Хотя бы для самоутверждения, а заодно и для увеличения денежного содержания на очередной червонец.

Виновным в необоснованной задержке долгожданного звания был командир бригады.

А ситуация развивалась так. Вызвал однажды комбриг к себе молодых офицеров, которым светило очередное воинское звание, и напрямик заявил:

– Бригаду ждут большие испытания. Сами знаете, товарищи офицеры – инспекционная поездка на полигон с боевыми стрельбами. Если сработаете, как полагается, будут вам и звания, и награды! Никого не обижу! А если нет – то уж извольте! Так что, за работу!»

Подобные действия, конечно же, являлись самоуправством, но возражать комбригу не стали. Ведь он поступал в интересах общего дела. Просто решил простимулировать своих подчиненных именно таким образом. С другой стороны, думал каждый, мало ли как обстоятельства сложатся на полигоне! Не дай бог, придется опозориться! Тогда комбриг трижды окажется правым!

В общем, все стерпели. Да и комбриг рассчитал верно, как выяснилось позже. Прыти у всех действительно прибавилось.

В ожидании приказа к убытию на полигон в огромном напряжении день за днем пролетели четыре месяца. Всё это время офицеры буквально света белого не видели. Забыв

свои семьи, они сутками не уходили со службы, стремясь натренировать подчиненных и устранить неизбежные недоделки то тут, то там.

Глава 2

В одну из последних ночей ноября пришел долгожданный приказ. Бригада поднялась по тревоге для погрузки на железнодорожный транспорт. Секундомер, отмеряющий беспредельные испытания, начал отсчет очередного нормативного времени. Учения фактически начались.

Четыре воинских эшелона формировались одновременно в нескольких местах. Для этого проводился огромный комплекс мероприятий, сложных технически и организационно, напряженных по времени и значительных по масштабу.

*

Но живые люди, не железная техника! Потому им сильно не повезло. Прежде всего, было очень холодно. Так холодно, что, казалось, не случалось даже зимой. Время от времени, наваливаясь волнами, наотмашь хлестал ледяной дождь. Но и он не сдерживал насквозь промокших солдат и офицеров, самоотверженно считавшихся лишь с тем, что входило в круг их обязанностей.

У ракетчиков так всегда! В тяжелые минуты коллективных испытаний большинство незаметных служак тихо совершают свои многочисленные и не оценённые подвиги. Они самоотверженно превосмогают себя, преодолевают непомерные трудности, перед которыми в иное время и сами бы спасовали. Но теперь их решительные действия особенно необ-

ходимы делу, которому они служат. Потому никто не сдавался! Особого сорта энтузиазм всегда поддерживает военных людей в тяжёлую пору испытаний.

Особенно мешал работать напористый ледяной ветер. В считанные секунды он сковывал намокшие пальцы рук, соприкасающиеся с промерзшим металлом, отмораживал носы, щеки и уши, хотя многие солдаты уже распарились от тяжелого физического напряжения и сбросили шапки и ватные куртки.

И без того тяжелые брезентовые тенты, теперь промокшие насквозь, стали неподъемными и негнушимися. Но никто не роптал, когда все вместе, надрываясь, затаскивали тенты сначала на железнодорожные платформы, потом повыше, на свои агрегаты, и предварительно расстилали там, надувающиеся под сильными ударами ветра. Невероятным образом, балансируя и цепляясь за что-то наверху, чтобы не оказаться сброшенными ветром с большой высоты, люди медленно, но всё же зачехляли технику, крепили ее шпалами и толстой проволокой к платформам.

*

Ночь тяжелых испытаний была в разгаре. На четырехосные платформы загоняли партию за партией тяжелую технику, постоянно рискуя съехать, свалиться, продавить хилые вагонные доски. Медленно, крохотными рывками, заползали на платформы пусковые агрегаты. Мощные и красивые, как мифологические исполины, они двигались осторожно,

сантиметр за сантиметром, оттесняя своей массой от рампы вагоны, которые в ответ испуганно, словно кони под седоком, отшатывались и приседали, усложняя и без того трудный процесс бокового заезда.

Механики-водители пусковых установок, оказавшись на четырехметровой высоте, опасно поглядывали на командовавших каждым их движением офицеров, просчитывающих всякое, даже микроскопическое перемещение агрегата, опасно зависающего четырьмя колесами из восьми над пустотой, пока не вырулят, пока не впишутся точно вдоль борта вагона.

Всё это время механики-водители чувствовали себя беспомощными и уязвимыми. Вынужденные полностью доверяться офицерам, они, по сути, переставали быть водителями, а становились исполнителями чужой воли. Это тяжелое чувство! Но они понимали, что в эти минуты именно на офицерах лежит максимальная ответственность и за погрузку, и за пусковую установку, и за жизнь самого механика-водителя, лишённого возможности самостоятельно управлять машиной.

Тогда, вспомнилось Андрею Алексеевичу, общими усилиями всё обошлось благополучно, хотя он и сам чересчур переволновался...

Трое суток ракетную бригаду тянула «железка», предоставляя под стук колёс время если не для отдыха, то для некоторого расслабления нервной системы. По большой ду-

ге эшелоны обогнули Волгоград с видимой отовсюду величественной скульптурой Вучетича «Родина-мать зовёт» на Мамаевом кургане и, наконец, по плотине, как по мосту, перекатились на другую, степную сторону Волги. Недолго задержались на станции города Волжский, и всё!

За Волжским начиналась другая земля и другая жизнь, мало кем, кроме ракетчиков, испытанная. Но теперь именно она сосредоточила все заветные цели и мечты. И неважно, что их достижение всегда остаётся не только во власти людей, но и во власти коварного случая. Ракетчики всё равно не имели права ни уступить, ни отступить, ни вернуться. Они осознанно двигались навстречу важнейшим испытаниям, только и способным дать ответ на вопрос, соответствуют ли они все вместе, как большой воинский коллектив, требованиям будущей войны. Именно, все вместе, поскольку задачи ракетных ударов решаются не героями-одиночками, а большими коллективами. Одиночкам такие задачи не по плечу!

*

За Волгой бригада полевым лагерем разместилась на солидном куске безжизненного пространства, где никогда не было ни холмов, ни зданий, ни деревьев, ни случайных людей. Лишь непривычная для глаз пустота на все четыре стороны, да пыль, легко поднимаемая как ветром, так и колесами наших машин.

Иногда из нор выглядывали трусливые, но любопытные

суслики. Иногда вдоль дороги скакали тушканчики, удивительно похожие на крохотных чертиков, да с редких телеграфных столбов царственно взирали на мир огромные и как будто ленивые орлы.

Так или иначе, но теперь эта широченная пустота – то ли степь, то ли пустыня – стала приютом и для ракетчиков, приехавших сюда для проверки их готовности воевать!

Глава 3

Та картина, унылая для постороннего наблюдателя, мигом пронеслась перед Андреем Алексеевичем. Память сработала избирательно, отбросив те воспоминания, которые не были дороги сердцу, и потому, если бы кто-то вмешался в этот процесс, нашел бы его до странности непоследовательным, скорее, рванным, с плохо связанными между собой фрагментами. Но для Андрея Алексеевича это не имело значения – он словно наяву видел и тонко чувствовал все захватывающие эпизоды той большой работы. И по отдельности, и все одновременно, и в естественной временной последовательности.

В сжатом виде ему представился весь ход тех многосуточных учений с пуском боевых ракет. Работа, изматывающая физическим и нервным напряжением. Каждое ее мгновение и все силы без остатка отдавались достижению конечного результата. Всем было ни до сна, ни до еды, ни до отдыха – все «пахали» на износ, реагируя на новые и новые вводные, поступающие от руководства.

Там было всё. Продолжительные марши в густой пыли, от которой люди задыхались в своих машинах, и совсем небольшие перемещения, была подготовка и пуск ракет, как учебно-боевых, так и самых настоящих, боевых. Были перегрузки ракет, была изматывающая работа днем и ночью,

невероятная усталость и утомительно-тревожное ожидание новых задач во время коротких передышек.

Все силы из людей оказались выжаты и, тем не менее, каждый знал, что приди очередная задача, и опять найдутся и силы, и воля, чтобы довести дело до победного конца!

*

Андрею Алексеевичу вспомнилось как при выполнении одной из задач ефрейтор Охтин, сбрасывая по команде «К бою» с пусковой установки маскировочную сеть, ощутил ее непривычную неподатливость – дернул, что было силы, раз, другой! Не получается! Запуталась!

Терялись драгоценные секунды. А это, как минимум, снижение оценки. Или вообще – невыполнение задачи.

Охтин опять напрягся и, окончательно уяснив, что сеть безнадежно запуталась на маховике одного из приводов, извлек до сих пор мешавшийся штык-нож и рывком распорол неподатливую сеть. Но рука от напряжения сорвалась и повредила шею. Хлынула кровь!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.